

Саломатовская – в Карла Либкнехта, Преображенская – в Тимирязева, Главно-Иерусалимская – в Коммунар, Матрешинская – в Перовской. В сферу проектирования, как замечено выше, входит участок одной из бывших Солдатских (Красноармейских) улиц и одна из Иерусалимских. Возвращение этим двум улицам исторических названий без «порядковых номеров» (Иерусалимская – на плане 1904 года она именуется именно так, без «главно», и Солдатская) позволят вернуть эти исторические топонимы в городскую среду без неуместного восстановления имен всех одноименных улиц. К тому же к парку памяти будут с двух сторон параллельно примыкать Иерусалимская и Советская, таким образом создав пространственную метафору единства дореволюционного и советского этапов расширения городского пространства. Параллельное существование Красноармейской и Солдатской улиц (как памяти о Солдатской слободе) также несет смыслы единства и сложности истории города. Возвращение

Саломатовской, Матрешинской и Преображенской также имеют основательную внеидеологическую аргументацию, поскольку наименования, присвоенные в 1920 году, никак с историей Иркутска связаны не были.

И еще, «на полях»: мне кажется одной из изюминок проекта для его пиара и для туристической рекламы Иркутска идея «деревянного фонтана» как некоей иркутской уникальности. В проекте она смягчена до «с деревянными фрагментами в облицовке». Лиственница с ее уникальными свойствами – основа исторического Иркутска. Впрочем, после пожара приметой деревянного Иркутска стал еще и песчаник. Не знаю, может быть, это идея из разряда сумасшедших и проистекает из моего невежества, но если вдруг это технологически возможно, то союз дерева и камня, не подвластных течению воды и времени, – это такое семантическое богатство, которое может подарить городу новый символ.

Топонимика и город, прошлое и будущее / Toponymy and the City, the Past and the Future

Представлен аналитический обзор концепций топонимии, проведенный на основании обмена мнениями с членами Совета по топонимике и редколлегией журнала. Приводятся предложения по наименованию новых градостроительных образований Иркутска.

Ключевые слова: топонимика, 130-й квартал, торговая ось Иркутска, исторический, повседневно-обыденный, географический подходы к топонимике. /

The article reviews and analyses the concepts of toponymy, basing on the exchange of ideas between the members of the Toponymy Council and the Editorial Board of the journal. The names of the new urban entities of Irkutsk are proposed.

Keywords: toponymy; 130 Quarter; Trading Axle of Irkutsk; historical, everyday and geographical approaches to toponymy.

ТЕКСТ

Марина Ткачева

ФОТО

Татьяна Анненкова

ТЕКСТ

Marina Tkacheva

ФОТО

Tatyana Annenkova

28 октября в Доме архитектора главный редактор журнала «Проект Байкал» архитектор Елена Григорьева и члены редколлегии Константин Лидин и Марина Ткачева обменялись мнениями по вопросам иркутской топонимии со специалистами-историками, общественными деятелями Иркутска и представителями СМИ. В обсуждении участвовали: член Общественной палаты города Иркутска, директор ООО «Антиквар», член совета общественной организации «Губернский собор» Сергей Снарский, историк и телеведущий Александр Снарский, эксперт Росохранкультуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИргТУ, председатель Иркутского отделения Все-рос-сийского общества охраны памятников Алексей Чертилов, председатель редакционного совета газеты «Восточно-Сибирская правда», генеральный директор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева Александр Гимельштейн, начальник управления культуры города Иркутска Виталий Барышников.

В своем вступительном слове Елена Григорьева обратила внимание, что названия и переименования могут оказаться неуправляемым процессом, результат которого трудно предвидеть. Сейчас, когда идет конструктивная реконструкция центра города и на карте появляются объекты, которых ранее не было, особенно ясно, что наименования этих топосов не могут быть отданы на волю случая.

Собеседники сформулировали, в сущности, те же аргументы, которые существуют в дискуссии. С. Снарский предложил обдумать вопрос о сохранении тех топонимов, которые возникли в советское время: нельзя становиться заложником сиюминутных страстей и претензий. А. Чертилов добавил, что в процессе именования, как и в возвращении исторических названий, обязательно нужно юридическое обоснование: необходимо предусмотреть утверждение конструктивной законодательной базы,

позволяющей сохранять и возвращать исторические топонимы. Это возможно, так как появилась законодательная норма о предмете охраны исторического поселения: каждое историческое поселение должно иметь предмет охраны. Если в качестве предмета охраны в Иркутске прописать топонимику, тогда споров не будет. В. Барышников обратил внимание на то, что иногда событие, в честь которого названо то или иное место, стерлось из памяти, утрачен сам предмет памяти. Вместе с тем есть названия, которые родились неадминистративным путем. В историческом центре (между Ангарой и Ушаковкой) их около 30–40. Но в России, к сожалению, нет закона о нематериальном культурном наследии. А. Гимельштейн добавил, что исторические названия – те же памятники, которые были затоптаны. Таким образом, отчетливо была озвучена стратегия, опирающаяся на историческую память и историческое прошлое. Крайний ее вариант («возвращать – и никаких гвоздей») прозвучал в выступлении А. Снарского, статью которого журнал публикует ниже.

К. Лидин задал вопрос: почему топонимическая реставрация вызывает такое сильное сопротивление населения и властей? Он предложил подумать над иными вариантами топонимической стратегии – фонетическим, географическим.

Одновременно были обозначены принципиальные подходы к наименованиям и переименованиям. Чисто «исторический», ретроспективный подход (А. Снарский), якобы дистанцирующий топонимику от политики, выглядел чересчур «хирургическим». С другой стороны, обыденно-повседневный («оставим все как есть, мы так привыкли») тоже вызвал критику. У каждого из участников нашлось несколько примеров, когда свободная «территория» для наименований рождала унылое однообразие названий улиц типа Лесная (но на ней нет леса),

Рябиновая (без рябин), наводящих на воспоминание о садово-огородных кооперативах. Таких случаев, кстати, довольно много и в исторической практике: почти в каждом городе (сибирском во всяком случае) есть улицы Большая, Почтовая, Хлебный рынок, Сенная площадь... Где же историческая уникальность именно иркутских топонимов?

Естественно, главной стала проблема, обозначенная Е. Григорьевой и А. Гимельштейном: особое внимание надо обратить на вновь возникающие градостроительные образования, так как брендинг обновленных фрагментов городской территории – тоже способ продвижения самой идеи обновления исторического центра («как вы яхту назовете, так она и поплывет»). Вспомнили, что и сквер Кирова когда-то назывался и Тихвинской площадью, и площадью Сперанского. И если бы вовремя установили бюст или памятник этому деятелю, то и площадь могла бы быть окончательно площадью Сперанского... Процесс стихийного именования подчас приводит не к самым лучшим результатам: много раз упоминаемый 130-й квартал мог бы называться Иркутская слобода (тоже не самый удачный вариант, но все-таки...) М. Ткачева подкрепила эти высказывания материалом студенче-

ских анекдотов: «Логика иркутян уникальна: единственный квартал в городе назван сто тридцатым!»

Была затронута тема новых кварталов, образующих торговую ось. Е. Григорьева, как один из авторов проекта, рассказала про Торговый бульвар, идущий как ось симметрии между улицами Байкальской и Партизанской. Он идет от ул. Тимирязева мимо «Карамели» вплоть до 1-й Советской. Начинается от одного из домов, претендующих на то, что в нем родился авиаконструктор Михаил Миль. Было решено торговые ряды Милиа сохранить, не перегородив линейное пространство создаваемого пешеходного бульвара высоткой. Обсуждалось: а не дать ли ему название – бульвар Милиа. За торговыми рядами есть место для скверика Милиа, там можно установить памятный знак, бюст или модель маленького старого вертолета. Если бы осуществился проект этого бульвара без потерь и перерывов около «Карамели», то его длина составляла бы как раз одну милю. Такой получился бы каламбур – бульвар Милиа.

Топонимика обнаруживает свое сверхсовременное лицо и имеет непосредственное отношение к будущему Иркутска.

